

СИГЭКИ КАИДЗУКА

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И УЧЕНИЕ

ВЕЛИКОГО ФИЛОСОФА
ДРЕВНЕГО КИТАЯ

КОНФУЦИЙ

Сигэки Каидзука

**Конфуций. Жизненный
путь и учение великого
философа Древнего Китая**

«Центрполиграф»

УДК 929
ББК 87.3

Каидзука С.

Конфуций. Жизненный путь и учение великого философа Древнего Китая / С. Каидзука — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5844-4

Книга рассказывает о жизненном пути и учении великого философа Древнего Китая – Конфуция. Подробно воссоздана историческая эпоха, в которой жил великий человек, анализируются его труды, исследуется влияние личности мудреца на формирование государственного устройства Поднебесной. Книга также издавалась под названием «Конфуций. Первый учитель Поднебесной»

УДК 929

ББК 87.3

ISBN 978-5-9524-5844-4

© Каидзука С.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сигэки Каидзука

Конфуций. Жизненный путь и учение великого философа Древнего Китая

Часть первая Время Конфуция

Глава 1 Историческое значение VI и V веков до н. э

Конфуций родился около 552 года до н. э. в княжестве Лу, которое находилось примерно на территории современного уезда Цюй-фу провинции Шаньдун. Правитель княжества Лу был родственником царского дома Чжоу. Административный центр Чжоу располагался в Лояне (в современной провинции Хэнань), а княжество Лу лежало на восточных рубежах земель, подвластных Чжоу. Конфуций объезжал многочисленные княжества Восточного Китая, распространяя свою теорию управления государством, до самой своей смерти в возрасте семидесяти четырех лет.

Прежде чем приступить к описанию состояния дел в Китае во времена Конфуция, целесообразно рассмотреть значение этого периода для истории Древнего Китая. VI и V века до н. э. – последняя часть отрезка китайской истории, получившего название «Чуньцю», или «Весен и Осеней». Имя это заимствовано из названия летописи «Чуньцю», повествующей о событиях того времени. По традиции считается, что основой для нее послужили официальные государственные хроники Лу – родного княжества Конфуция. Строго говоря, период этот продолжался 242 года – с 722 года до 481 года до н. э., – на протяжении которых власть царского дома Чжоу была раздроблена, а Китай – разделен на двенадцать княжеств, каждое из которых стремилось обрести верховную власть. Когда умножились столкновения между этими княжествами, управление постепенно узурпировалось семьями, представлявшими кандидатов на высшие государственные должности. В дальнейшем стало казаться, что реальная власть вот-вот перейдет к подчиненным этих высокопоставленным чиновникам, с точки зрения удельных князей бывших лишь слугами вассалов.

На международном уровне большей частью шла непрерывающаяся война. Внутри княжеств случались кровопролитные мятежи, и нередко происходили такие прискорбные события, как убийство правителя. Согласно традиции, Конфуций, не в состоянии спокойно наблюдать картины анархии и беззакония, решил к официальной государственной хронике княжества добавить собственные комментарии Лу. Он надеялся, что, акцентировав внимание на поступках мятежных министров, убивших своих князей, и непокорных сыновей, погубивших своих отцов, поможет современникам взглянуть на себя со стороны. Поэтому Конфуций и решился составить летопись «Чуньцю».

В наше время у ученых возникли большие сомнения относительно того, в самом деле ли Конфуций составил «Чуньцю». Некоторые считают, что это лишь традиция, бытовавшая в одной из школ конфуцианства. Мы подробно обсудим проблему достоверности данной традиции позже. Само ее существование, как бы то ни было, свидетельствует о распаде жесткой организации общества с фиксированной иерархией статусов императора, князя, министра, сановника и служилого – выстроенной на основе системы чжоуского двора политической и

социальной структуры, которая получила название феодальной. Несколько княжеств, отстаивавших свою независимость на протяжении этого периода, продолжали воевать друг с другом. В последующую эпоху Семи держав (она продолжалась с 478-го до 220 г. до н. э.) мы имеем дело с семью мощными государственными образованиями, ведущими еще более жестокие войны. Поэтому те времена называют также «Чжаньго» – эпохой Борющихся царств. Исходом междоусобной борьбы в 220 году до н. э. стало образование единой империи. Китай объединило западное княжество Цинь, выдвинувшееся сравнительно недавно и введшее новаторскую, крайне воинственную форму управления. Оно проводило политику обогащения государства и усиления его военной мощи.

В новой империи, объединенной под властью дома Цинь, быстро расправились с господствовавшей до того времени структурой государства и общества. Вся страна была поделена на области, а области – на уезды. В каждой области был губернатор, которому были подвластны гражданские дела, и наместник, занимавшийся военной сферой. Существовал также правитель уезда, который занимался тем же, что и современные префекты. Поскольку все эти чиновники назначались и снимались с должностей циньским двором, имперское управление стало централизованным и осуществлялось через посредничество чиновников, назначенных центральной властью.

Тем не менее только высокопоставленные чиновники, носившие звание областного губернатора или правителя уезда, назначались центральным правительством. Вплоть до следующей династии (династии Хань) подбор чиновников на местах, в отличие от тех, кто занимал ключевые посты, был оставлен на усмотрение губернатора или правителя уезда. Абсолютное большинство чиновников этого уровня выходило из рядов местных кандидатов. В этом отношении, поскольку у двора сохранялось определенное взаимопонимание с могущественными родами, которые, естественно, обладали сильным влиянием в регионах, руководство страной было во многом компромиссным, и местное самоуправление все еще оставалось достаточно влиятельным. Таким образом, одновременно с тенденцией к сохранению некоторой автономии за местным самоуправлением династией Цинь была введена и административная система, управлявшаяся централизованной бюрократией, которая, в отличие от предшествовавшей формы административного деления, получила название «системы областей и уездов».

Такой организации «по областям и уездам» предшествовала региональная административная система чжоуского царского двора. В чжоуской модели администрации страна делилась на бесчисленные княжества, в которых сын наследовал отцу. Чжоуский двор сохранял номинальную привилегию надзора над княжествами, формально санкционируя наследование трона своими вассалами, но никоим образом не вмешивался во внутреннее администрирование. Отношения между феодалами-сюзеренами и их вассалами строились на том же принципе, и этот период, в отличие от «системы областей и уездов» династии Цинь, в Китае называют феодальным. В эпоху Весен и Осеней чжоуская феодальная система постепенно распадалась, и эта тенденция стала еще заметнее к периоду Борющихся царств. К тому времени в семи больших княжествах начали вводить организацию «по областям и уездам», которая в результате была применена ко всей стране после объединения, предпринятого Цинь. В VI и V веках до н. э., на которые пришелся конец эпохи Весен и Осеней, процесс распада феодализма неожиданно стал более интенсивным, но административных механизмов, способных заступить его место, в то время еще не было. Традиционная структура управления рухнула, и восторжествовала анархия. Общество, отказавшись от добродетелей, ценившихся при феодальных порядках, погрузилось в пучину безнравственности. Вот что происходило в VI и V веках. Рожденный в эту эпоху беспорядка, среди анархии и безнравственности, Конфуций надеялся восстановить правильное управление и этические нормы на основе своего идеала – возвращения к духу Чжоу-гуна, великого государственного деятеля времен основания царства Чжоу.

Глава 2

Феодализм и клановое родство в период Чжоу

Конец периода Чуньцю до последнего времени считали временем распада феодализма. Здесь слову «феодализм» мы придаем тот смысл, в каком оно используется в китайском языке: так определяют данную систему, противопоставляя ее организации «по областям и уездам». Однако в более общем смысле оно, в сущности, не имеет отношения к его современному значению, для которого моделью является средневековый западноевропейский феодализм, и к его нынешнему использованию в качестве термина истории права, социальной и экономической истории. Чтобы глубже понять дух времени Конфуция, следует раз и навсегда отказаться от его использования в качестве условного термина, свойственного китайскому языку в наше время, и непредвзято и беспристрастно разобраться, вправе ли мы в действительности в перечисленных выше общих областях истории называть чжоускую административную и социальную организацию феодальной. Лишь после всеобъемлющего анализа так называемого феодализма династии Чжоу в свете социальной и экономической истории мы получим право признать, что с точки зрения социальной истории во второй половине периода Чуньцю имел место распад феодализма.

Я уже констатировал, что чжоуский двор дробил принадлежавшие ему земли и распределял их между вассалами, чья власть над владениями была наследственной. Прежде всего нужно уточнить, какими были взаимоотношения этих вассалов с царским домом и привилегии, которые царский дом даровал вассалам. Затем следует изучить механизмы, созданные для регулирования отношений между вассалами и царским домом.

Нельзя сказать, что источники по чжоуской истории многочисленны. Однако материал по истории права, относящийся к так называемой чжоуской феодальной системе, был обнаружен в значительном числе инскрипции на бронзовых сосудах. Такие сосуды отливали для использования в церемониях, связанных с культом предков, а также в память почестей, дарованных царским домом. Инскрипции на них часто цитируют тексты жалованных грамот, полученных от царского дома вассалом или высокопоставленным чиновником по случаю приезда ко двору. Такие бронзовые сосуды с надписями относятся ко времени Западной Чжоу (особенно к концу этого периода, к IX и самому началу VIII в. до н. э.) – тогда династия Чжоу еще сохраняла свою священную столицу в Цзунчжоу (неподалеку от Чанъани на западе современной провинции Шэньси) с алтарем в храме предков царского дома. Надписи на бронзе – жизненно важный материал для изучения чжоуской истории; содержащиеся в них цитаты из жалованных грамот, а также подробные записи, касающиеся церемоний по поводу дарования таких документов, – особенно значимые источники. В качестве документов по истории права они не имеют себе равных.

Подтверждают данную в них информацию такие тексты, как ряд глав «Канона писаний» («Шу цзина»), где приведены наставления Чжоу-гуна – великого государственного деятеля, жившего в самом начале правления династии Чжоу, и формалистические стихотворения «Я» («Оды») в «Каноне стихов» («Ши цзине»), которые датируют концом Западной Чжоу. Кроме того, мы располагаем созданными уже в период Весен и Осеней «Комментарием Цзо» («Цзо чжуань» или «Цзо ши чжуань») и «Речами царств» («Го юй», где изложены исторические анекдоты того времени), которые свидетельствуют о распаде системы, которую мы условно называем феодальной. Синтез данных, полученных из таких источников, позволяет нам до определенной степени провести реконструкцию так называемого чжоуского феодализма (главным образом – в историко-правовом аспекте).

Согласно цитируемым в надписях на бронзовых сосудах текстам жалованных грамот и стихотворениям, созданным в конце рассматриваемого периода, первой обязанностью вас-

сала было присутствие на всеобщем собрании, которое называлось «царской встречей». Такие собрания устраивали при восшествии на престол нового монарха, а также несколько раз в году в фиксированные сроки. Во время таких посещений они, по-видимому, платили царю дань изделиями, изготавливаемыми в их землях, и приносили клятву вассальной верности. Кроме того, в мирные времена они присылали чернорабочих для строительных работ по укреплению царского города или государственных границ; в мирное время они обеспечивали еду, жилье и все удобства проезжавшим через их территории царским наместникам, а во время военных действий – проходившим там царским войскам. Кроме того, вассалы были обязаны вооружать собственные войска, предоставляя их в распоряжение правителя, и участвовать во всех совместных походах.

Вассалы производили дальнейшее разделение своих вотчин, полученных от царского дома, среди своих собственных подчиненных – вассалов в рангах министра, сановника и служилого. Эти подчиненные были обязаны выполнять ту же трудовую и военную службу по отношению к вассалам, какую последние несли по отношению к царскому дому.

При церемонии жалования земель, сначала, когда царский дом Чжоу осуществлял распределение подвластной ему территории среди вассалов, и затем, когда вассал доставлял ко двору дань, царь вручал вассалу лук со стрелами, или колесницу, или платье, символизирующие земли или иное пожалование. Тогда же зачитывалась декларация в форме жалованной грамоты, где одновременно прославлялись предки вассала или он сам за службу царскому дому и отдавалось приказание верно служить царскому дому и в дальнейшем. Взамен вассал в знак своей преданности дарил царю яшмовый сосуд и клялся служить царскому дому с непоколебимой верностью. Эта церемония проводилась в царском дворце со всей надлежащей пышностью и серьезностью. Существовал схожий ритуал, регулирующий отношения между вассалом и его подчиненным. Так вот, этот отраженный в тексте жалованной грамоты ритуал, где подчиненный клятвенно подтверждает свое служение царскому дому за его благодеяния, и вообще отношения между царем и вассалом или вассалом и его подчиненным в Китае очень напоминают средневековую церемонию инфеодации в Европе (она совершалась между сюзереном и вассалом и базировалась на присяге последнего, в которой он обещал служить сюзерену за его благодеяния).

Это кажущееся сходство заслуживает более тщательного исследования. Я только что сказал, что отношения, связывавшие царский дом Чжоу с его вассалами, а последних – с их подчиненными, во многом напоминают средневековые феодальные отношения между сюзереном и вассалом, когда за пожалование земель вассал клялся сюзерену в верной службе – прежде всего, военной. Тем не менее, несмотря на сходство с юридической точки зрения связей сюзерена с вассалом, при общем сравнении общественных условий в период Чжоу и в западноевропейском Средневековье можно выявить большие расхождения между этими системами. Правильнее будет рассматривать каждую из них в ее индивидуальной обусловленности своим особым социальным фундаментом.

Прежде всего следует уделить внимание отношениям между сюзереном и вассалом. Они не ограничивались соглашением между отдельными сюзереном и вассалом: в Китае они скорее были связью, сформировавшейся между семьями, к которым принадлежала каждая из сторон. Это особенно верно в отношении большинства влиятельных вассалов периода Чжоу, поскольку все они, начиная с сына правителя Чжоу, принадлежали к одному клану, носящему фамилию Ци. Между царем и вассалом существовали феодальные отношения, основанные на присяге верности, которую вассал приносил в ответ на царские благодеяния, однако связь между царем и вассалом скреплялась не только таким образом: царь и вассал были членами одного рода. Существовала и дополнительная связь, основанная на отношениях главного рода с боковыми ветвями. Все вассалы были связаны с главным родом – чжоуским царским двором – через принадлежность к боковым ветвям этого рода. Именно на основании таких родственных

отношений Чжоу контролировало все территории, распределенные им в качестве пожалований. В эпоху Чжоу родственные узы между происходившими от общего предка боковыми ветвями главного рода и самим главным родом, который содержал храм, где проводились службы в честь общего предка, и заботился об их возобновлении, заключались в участии в общем культе в центральном храме духа предка. Следовательно, такой клан следует рассматривать как группу, участвующую в общем культе. Чжоуский царский двор и вассалы, происходившие из того же рода, были связаны, будучи членами единого сообщества, сформированного с целью отправления религиозного культа. Имея право на благосклонность духа общего предка, они также брали на себя обязанность приносить жертвы и способствовать проведению служб в храме. Дом Чжоу как центр рода и охранитель храма предков принимал услуги от членов рода, которые те предоставляли ответственному за служение духам, и обладал привилегией распоряжаться такими услугами. Что касается связи чжоуского двора с его феодальными княжествами, сильнейшим фактором следует считать скорее элемент кланового родства, нежели какие-либо феодальные отношения.

Однако связь между чжоуским царским домом и семьями, принадлежавшими к другим родам (то есть носившими другую фамилию), носила другой характер. К тому же очевидно, что очень многие вассалы крупных феодалов происходили из неродственных основному клану семей. Таким образом, встает проблема отношений сюзерена и вассала, происходивших из разных родов. Возможно, в этом случае феодальные отношения были сильнее, чем в первом примере. Но между сюзереном и вассалом, происходившими из разных кланов, существовала другая связь: они были членами одного религиозного сообщества. Такие взаимоотношения, подобные связи через клановое родство, реализовались в функционировании религиозных сообществ, сформированных для почитания местных духов земли (шэ шэнь). Именно из этого источника возникли общины городов-государств, о которых пойдет речь.

Глава 3

Образование общин городов-государств

В мои намерения входит проследить процесс образования общин городов-государств во время династии Чжоу, отдельно остановившись на княжестве Лу, родине Конфуция. С этой целью мы должны вернуться на четыреста пятьдесят лет назад от середины VI века, когда родился Конфуций, к временам основания государства Чжоу. Царство Инь, административный центр которого находился в Ань-яне (в современной провинции Хэнань), контролировало равнинные земли Северного Китая и было в то время, по-видимому, единственной общностью на Востоке, которую можно было назвать цивилизованной. (Недавнее открытие руин иньской столицы привлекло внимание археологов всего мира.) В Шэнь-си, далеко к западу, жило племя Чжоу, принявшее культуру Инь и сравнительно долго бывшее данником этого царства. Когда чжоуский трон унаследовал царь Вэнь (Вэнь-ван), который благодаря своим достоинствам впоследствии почитался как святой, чжоусцы покорили своих соседей, принадлежавших к другому роду. Быстро набирая мощь, Чжоу стало гегемоном в этих краях. Преемник Вэнь-вана, царь У (У-ван), воспользовался возможностью, которую предоставило ему вопиюще скверное управление иньского царя по имени Чжоу, и повел войска на восток. Одним внезапным ударом У-ван взял столицу, разрушил царство Инь и основал царский дом Чжоу. Однако вскоре он умер, и иньцы, которые ждали подобного благоприятного случая, взбунтовались, намереваясь восстановить свое царство. Именно Чжоу-гун, которого в Лу почитали как основателя государства, будучи дядей юного царя Чэн-вана и регентом при нем, помог подавить это восстание.

Чжоу-гун лично принял командование карательными войсками, посланными против повстанцев, в число которых входили не только иньцы, но и обычно называемые «восточными варварами» племена, жившие на территории, ограниченной Шаньдунским полуостровом и рекой Хуай; племена эти по культуре и по происхождению были родственны иньцам. Повстанцев гнали до дальнего побережья Шаньдунского полуострова, и, когда их войска были полностью уничтожены, Чжоу-гун решил основать новый административный центр в Ло-яне. Здесь, точно на полпути между старым центром царства Инь и первой чжоуской цитаделью, он выстроил опорный пункт для управления центральной равниной. В Лояне, в поисках решения проблемы контроля над иньскими племенами и иноземцами с востока, Чжоу-гун придумал план, который вполне можно назвать национальной политикой царства Чжоу: его целью было создание единой новой цивилизации, где чжоусцы примирились бы с иньцами.

Чжоу-гун был не только великим государственным деятелем, но и великим философом. Он сурово осуждал образ жизни иньцев, так как его не пленяли их твердая вера в волшебство и дурманящие чувственные удовольствия, которые они находили в вине и охоте. Можно со всей справедливостью сказать, что там, где господствовали магические искусства, Чжоу-гун первым постиг возможность появления религии, нравственности и знания; там, где господствовали чувства, он первым обнаружил свет разума и поставил себе задачей его воспитание. Все чжоусцы – и особенно жители княжества Лу, где родился Конфуций, – были уверены в том, что именно Чжоу-гун создал династические институты ритуала и музыки и основал всю чжоускую цивилизацию – с ее специфической административной организацией, социальной системой, кодексом нравственности и искусствами.

Возможно, с целью осуществить основные меры, разработанные им для контроля над чужеземными племенами с востока, Чжоу-гун отправил своего старшего сына Бо Циня на территорию современного уезда Цюйфу в Шаньдуне, где жили восточные варвары, намереваясь основать там чжоускую колонию.

Согласно традиции, когда Бо Цинь, правитель Лу, отправился к этому новому аванпосту, он получил жалованную грамоту от чжоуского царского дома, а также всевозможные подарки

от двора. Прежде всего, ему передали большую церемониальную повозку, в которой правитель Лу должен был являться к чжоускому двору, и знамя, которое крепилось к ней. Затем он получил яшму, передаваемую из поколения в поколение со времен царства Ся, и, наконец, большой лук, которым, как говорили, некогда владел древний вассал Фэн Фу. Первые три подарка использовались при участии в храмовых службах, где они символизировали ранг луского правителя в собрании придворных. Последний подарок, лук, был знаком военной власти. Такой властью наделялся защитник общности, окруженной варварскими племенами, и покоритель врагов, оказывавших сопротивление дому Чжоу.

В 501 году до н. э. (когда Конфуцию было пятьдесят два года) Ян Ху, управляющий рода Цзи – одной из правящих семей княжества Лу, получивший беспрецедентное могущество из-за использованных им революционных методов, – утратил свое влияние и совершил удачный побег в княжество Ци, прихватив с собой яшму и лук. Этот поступок вызвал сильное волнение в Лу, поскольку вплоть до времени Конфуция яшму и лук заботливо хранили в государственной сокровищнице, как наследственные драгоценности княжества. Присвоение Ян Ху чтимого имущества предков, по-видимому, казалось страшным бедствием. Запись о возвращении фамильных ценностей в Лу датирована в летописи «Чуньцю» следующим годом. Эти события свидетельствуют о том, что, по крайней мере, во времена Конфуция в Лу существовало предание об основании государства, в котором упоминалось о даровании сокровищ, а также о разных других привилегиях. Согласно этому преданию, кроме вышеупомянутых сокровищ, правителю Лу была вручена власть над племенами, родственными иныцам, – дяо, суй, сяо, со, чжаншао и вэйшао. Каждому племени было велено выделить центральный клан, вместе с боковыми ветвями оставить Лоян и переселиться в Цюйфу вместе с князем Лу, повинаясь его приказам. Тогда, по преданию, луский князь, впервые отправившись в отведенный ему округ на новых землях, взял с собой шесть этих племен, которые ранее были сосредоточены в районе Лояна, новой чжоуской столицы. Хотя иныцы были побеждены, предание о том, что этим племенам позволили выделить центральный клан и сохранить контроль над его боковыми ветвями, свидетельствует о сохранении, по крайней мере, у этой части иньских народов неврежденной клановой организации. Шесть племен оказались под юрисдикцией луского правителя как целостные клановые общности.

Таким образом, когда луский князь выехал из Лояна, он уже находился во главе этих шести иньских кланов: кроме того, на территории Цюйфу, где он основал свою столицу, уже жили аборигены княжества Янь, родственные иныцам; приняв участие в более раннем восстании против нового завоевателя, они были покорены Чжоу-гуном. Следует также упомянуть о том, что в границах Лу жил другой иноземный народ – фэны; они обитали и по берегам реки Цзи, которая текла, изгибаясь, в западной части Лу, и у подножия горы Дунмэн на востоке.

Политика правителя Лу в области контроля над всеми этими чуждыми племенами базировалась на стремлении объединить их с чжоусцами на клановой основе. Клан был культовой общностью, объединенной совместным отправлением служб в честь предка, которого почитали как духа – предка клана. Службы проходили под руководством центрального клана, следившего за храмом предков. Однако, по пословице о том, что духи не принимают жертвы и служение от чужих родственников, считалось, что клановое божество не позволяет участвовать в празднествах в его честь чуждым кланам или тем, кто не является его кровным потомком. Таким образом, кланы иноземцев, живущие в Цюйфу, были вынуждены искать божество, в честь которого они могли бы совместно проводить службы. Они нашли его в лице духа земли, недавно основанного Цюйфу, и духа злаков, взращиваемых этой землей. В Китае такие божества называются «духами земли и зерна». При основании новой столицы первыми бок о бок возводили храм предков для празднеств в честь Чжоу-гуна и алтарь для служения богам почвы и урожая. В Лу вокруг этих центральных зданий был выстроен дворец правителя, который, в свою очередь, был окружен крепостной стеной.

Примерно в четырехстах метрах к северо-востоку от современного Цюйфу находится плато площадью около 450 квадратных метров, которое считалось местом, где находился княжеский дворец Лу во времена династии Хань. Поскольку слово «Цюйфу» означает «извилистый холм», современная насыпь вполне может быть возвышенностью, от которой заимствовала имя древняя столица Цюйфу. И возможно, именно это плато было центром района застройки, когда Бо Цинь, луский правитель, заложил храм предков, святилище почвы и урожая и княжеский дворец. Как говорили, в районе Цюйфу некогда располагалась столица императора Шао Хао, правителя мифологической древности. Вполне возможно, что раньше на вершине этого плато жили здешние аборигены, почитавшие Шао Хао как своего предка, которого, таким образом, можно было считать духом почвы старого Цюйфу. Мы можем предположить, что духи почвы и злаков недавно основанной столицы, население которой состояло из племен разного происхождения, были как-то связаны с чтимым туземцами духом, который мог войти в число чтимых в храме божеств.

Конечно, для членов клана Ци, то есть для родственников дома Чжоу и для самого правителя Лу, самым важным божеством было то, которому служили в храме предков, – оно было общим для всего клана, и посвященные ему церемонии должны были быть самыми важными церемониями в княжестве. В таких обстоятельствах, поскольку в ту эпоху между управлением страной и отправлением религиозного культа не было четкой границы, правитель Лу, более чем кто-либо другой, был вправе стать жрецом, ответственным за службы в храме предков. Однако он имел титул главного жреца духов почвы и злаков и, как кажется, был не столько ответственным за храм предков, сколько жрецом нового местного культа.

Когда правитель Лу переехал в свое удельное княжество, его сопровождало мало представителей собственно его клана. Поскольку население Лу в подавляющем большинстве складывалось из представителей шести иньских племен, отданных под юрисдикцию правителя, и туземного населения этого региона (народа старого княжества Янь и фэнов), храмовые службы в честь духов почвы и злаков рассматривались как более значимые для территориальной общности княжества Лу. Этот феномен не был специфическим для Лу: княжества Вэй, Цао, Цзинь и другие общности, ведущие род от Чжоу и образованные в долине на севере Китая, фактически оказались в сходном положении. Все удельные князья, стоявшие во главе этих общностей, принимали титул главного жреца алтаря почвы и злаков. Это привело к употреблению словосочетания «алтарь почвы и злаков» как синонима слова «государство».

Следует обратить внимание также на то, что новая территориальная общность Лу, сплоченная вокруг культа духов земли и злаков, не была государством в современном понимании этого слова. У княжества Лу не было четких территориальных границ, не было там и большого количества городских центров и деревень. Фактически Лу представляло собой не что иное, как город-государство, – то есть, как видно из самого слова, город, окруженный небольшой стеной, которая огораживала пространство площадью около одного ли, или трех миль. Во времена Чжоу слово «княжество» первоначально означало именно это – территорию внутри крепостных стен метрополии, а слово «гражданин» означало горожан, живущих на пространстве, ограниченном этой стеной. В разговоре с правителями других государств луский князь должен был скромно называть собственное княжество «моим маленьким, убогим городком», а другие государства почтительно величать «большими городами». Таков был дипломатический протокол той эпохи, свидетельствующий о происхождении многочисленных княжеств, существовавших при династии Чжоу, от городов-государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.